

ИГРА НА РАЗДЕВАНИЕ

Боже, как я ему завидую! В 11 часов спать сном младенца. Господи, уже полдень, ну что же он дрыхнет как сурок! Черт, час дня, вот филин ушастый! Дьявол, да жив ли он? Время — два. Слава богу! Пробудились наконец! Теперь быстренько помыться, побриться, у колодца... нет, это из чужого репертуара, короче, вот ваш кофе, йогурт, фрукты: апельсин почистим, киви порежем, виноград сполоснем и — на допрос с пристрастием. Нет, это не Генпрокуратура, это хуже: это — "МК".

Итак, посмотрим, что там у нас на вас имеется. Вы — Валерий Яковлевич Леонтьев, год рождения — 1949-й, значит, скоро, в марте, помнится, вам 55 стукнет... Ну, не забудьте на день рождения пригласить. Родились в деревне Усть-Уса Коми АССР, в семье — да-да! — ветеринара-оленовода, прописка московская, квартиру, значит, прикупили. Женаты, супруга проживает в Майами, домик у вас там, доходы, налоги... Сейчас со всем разберемся. Но сначала расплатимся за испорченное утро.

— Валерий Яковлевич, кто рано встает, тому Бог подает...
— Я всегда встаю очень поздно, но ведь и засыпаю глубокой ночью.
— Сразу засыпаете или мучаетесь?
— Засыпаю сразу, но через час просыпаюсь и мучаюсь...
— А утром, часов так в пять-шесть?
— Всегда.
— А спать-то страшно хочется, а уснуть-то не можете и все прокручиваете, прокручиваете в голове вчерашний вечер...
— Так и бывает.
— И что тогда?
— Хватаю книжку и начинаю читать.
— Фантастику?
— Ага.
— А еще чем расслабляетесь?

— Вечером бокал вина могу выпить.
— Затем косяк...
— Курю много, но не тра-ву.

Мой собеседник как будто спохватывается, закуривает сигарету и глубоко затягивается.

— Привыкнуть боитесь...
— Да я курил марихуану в компании — никакого эффекта. Все говорили: это — ах! Ах, такой кайф! Ничего подобного. Покурил и уснул потом.

— Не впечатлила... Значит, характер у вас — стойкий, нордический, навязчивыми идеями не страдаете... А красную лампочку на телевизоре зачем пластырем заклепили?

— Она мне по ночам спать мешает.
— Что???
— Вот такая чудовищная светобоязнь. У меня на гастролях только одно требование: занавески в гостиничном номере должны полностью закрывать окно, чтобы ни щелочки не оставалось, иначе ночь промучаюсь и не усну.

— Это сценический свет так людей гробит?
— Конечно!
— Ничего себе! А может, ну ее, эту сцену, она, по-моему, всю вашу жизнь съела!

— Как это — съела? (Опешил, задумывается.) Нет, это и есть моя жизнь, вот мы разговариваем, а в это время...

А в это время в самом большом концертном зале Минска полным ходом идет подготовка к вечернему выступлению. Часть сцены поднимают, застилают пол широкими полосами какого-то самоклеящегося материала. Постановщики воздушных полетов пытаются закрепить тросы и любовствуют: "Вы заявку нашу видели?" — в сердцах кричат они местным рабочим сцены. Те виновато огрызаются и отправляются искать требуемое. Где-то через час над сценой вырастают конструкции, позволяющие подниматься к потолку, куда и взлетают по очереди постановщики, проверяя безопасность сооружения. Артисты балета, поделив гримборные, переправляют туда многочисленные чехмоданы, предавательно сваленные на сцене, затем усаживаются вдоль стены и начинают лениво закладывать ноги за уши — разминаются.

В одной из артистических костюмер Леонтьева Света выгружает из чехмоданов яркие одежды своего босса и включает в розетку утюг. А мы возвращаемся к предмету нашего разговора.

— Итак, ваша жизнь. Помните, в романе Мозам "Театр" Роджер говорит матери: "Ты не совсем подделка, потому что это и есть ты. Как маргарин — масло для людей, которые не пробовали настоящего масла..."

— Да-да-да! А Джулия отвечает: "Это вы, обычные люди — настоящие, лишь на сцене происходит подлинная жизнь, лишь артисты реальны в этом мире".

— Вы с кем согласны?
— Все-таки больше с Джулией. Действительно, лишь на сцене происходит что-то необычное, яркое, фантастическое, что-то запминающееся, оставляющее след на всю жизнь. А за сценой... Что за сценой? Быт.

— Ну да, быт, обычная человеческая жизнь. У вас вот жена далеко, детей (во всяком случае, о которых вы бы знали!) нет, в магазин за пивом и то не сгоняешь — все палиться будет. Короче, вы страшно одинокий человек, и таким вас сделала сцена. А если бы начать жизнь сначала, вы бы...

— То есть вернуться в те свои двадцать лет? Если бы с сегодняшним моим жизненным опытом, я бы, может, другое выбрал. Книгу бы написал или врачом стал... Но я начал петь, это было просто. Это лежало на поверхности. А сейчас я просто ничего другого не умею.

— И часто думаете: "Послать бы все это к чертовой матери!"

— Еще как думаю! Однажды так случилось, что я пятьдесят дней не был на гастролях. Мне говорили: "Вот увидишь, и тридцати дней не пройдет, как ты взвоешь — так захочется выступать". Ничего подобного! Я бездельничал все эти пятьдесят дней и с удовольствием по бездельничал бы еще столько же!

— Но эти дни прошли, и вы опять вертитесь, вертитесь. Зачем? Деньги нужны?
— Кормить-то себя надо...
— Врете! За прокорм так никто не вкалывает. Славу боитесь потерять!

— Боюсь. Успех артиста складывается из трех вещей: я хочу выступать, меня хотят слушать, есть силы и здоровье все это вытянуть. Однажды все равно придется уйти.

— Сегодня все три кита — ваши. Что тогда говорить про уход? Кокетничаете?

Валерий Леонтьев:
"Я не могу найти девяти месяцев, чтобы родить ребенка!"

А король-то голый!

— Нет, готовлюсь.
— Психологически?
— Да, чтобы потом не умереть от шока.
— Вы суеверны?
— Нет. Только одна примета: никогда не считать зарплату вперед. Только начнешь прикидывать, как деньги получишь и потратишь, — сразу что-то случается.
— О да, это у всех работает.

Отступление I Деньги.

Денег, во всяком случае лишних, не говоря уже о бешеных, у Леонтьева нет. Все, понятно, дорого: авторам плати, коллективу плати, за костюмы плати, да транспортные расходы, а он еще и мужик не жадный, но все из собственного кармана! Спонсоров же иметь Леонтьев не хочет, потому что сегодня ты его имеешь, а завтра он тебя. Придет такой, пальцы веером: не так сидишь, не так свищишь. А Леонтьев звезда, ему обидно. Поэтому лучше уж так, на хозрасчете, а значит — по средствам.

Правда, он — артист старой закалки, коих и осталось-то в обойме не больше десятка, и на него люди идут, причем целыми лапами. Но хорошо бы еще сдать клип. Хорошо бы, но это такие бабки! А еще лучше вообще жить и не работать. Можно? Можно. Но это очень дорого стоит.

— Ладно, какие-никакие, а денюжки у вас водятся. Что-то там себе в Майами построили...
— Да, у меня там домик.
— А были пионером, деревья сажали...
— Не только пионером...
— Ну и?.. Время-то какает.
— Да я вот думаю, не поздно ли... (Пауза.) Для третьей составляющей.

— Мужики никогда не поздно. Сейчас, кстати, многие известные мужчины заводят детей в зрелом возрасте, считая, что именно тогда они способны больше дать ребенку, лучше ощутить прелесть отцовства. Вы не из таких?

— Я все не успеваю! Никак не могу найти этих девяти месяцев! Думаю, вот еще туда съезжу, это запишу, а уж тогда!..
— Опа! Зачем вам девять месяцев? Ваше же дело не рожать!!!

— Как?! — Леонтьев аж подскакивает на кожаном кресле, в котором до этого сидит, уютно свернувшись. — А сочувствовать? А участвовать? Что же я, задержусь на полчаса — и бежать, а там пусть без меня зреет?

— Хорошо, нашли вы девять месяцев свободы, но этого ведь мало. Вам вот исполнилось 55, супруге вашей — чуть меньше, тем не менее из детородного возраста она вышла: что будете делать? К новомодным штучкам прибегать — суррогатная мать там и прочая?

— Нет, зачем, можно и так... без штучек.
— То есть каждая женщина имеет шанс...
— Далеко не каждая!
— А какая? Какие обязательные требования — там, умная, красивая, что еще?

— И умная, и красивая, и цеплять должна, чтобы, как это сказать, ну... вкусно было.
— Ладно, будем надеяться, найдете такую. А пока своих детей у вас нет, я вам передам вопрос одного четырехлетнего мальчика. Слушай-

С женой Людмилы Исакович 20 лет назад.

те: если зеленый свет все горит, а люди все бегут, что машинам-то делать?
— Искать компромисс с пешеходами.
— А вы легко идете на компромиссы?
— Вся наша жизнь — компромисс: человека с человеком, человека с природой. Да, я всегда иду компромиссы.
— А есть что-то, чего не можете простить?

— Все могу.
— Измену?
— Да.
— Предательство?
— Да.
— Даже предательство?
— Раньше я бы ответил "нет", но сейчас скажу "да". Кто-то не сможет, я — другой человек, я смогу.

— Вы, похоже, в Бога верите.
— Я — не прихожанин, нет. У меня своя вера, что ли, свои отношения с Богом. Я верю, что людям определен некий свод законов, по которым они обязаны жить и который направлен на суммирование добра.

У православных есть икона Нечаянной Радости. Вы какую радость, которую не чаяли даже и потратишь, — сразу что-то случается.

— Остров в океане, и чтобы там никого не было.
— Совсем никого?
— Ну только очень близкие люди и первобытные условия существования.

— Не выдержите.
— Тогда с минимальным комфортом.

Увы, я — не господь Бог, поэтому вместо острова мы отправляемся на сцену, до концерта остается два часа. Первые моменты будущего выступления — вот они. Леонтьев распеваеся — а на мой непрофессиональный слух голосит на весь зал и все закулисы, затем проверяет микрофон, слушает звук, и наконец закрепляет на себе трос. Звезда взмывает под потолок, пролетает от одного края сцены до другого, зависает посередине, делает салто и повисает вниз головой: задравшаяся майка обнажает татуировки в основании спины и на плечах — на правом я углубляю стайку летучих мышей.

— Эк как его разрисовали-то, — говорю костюмеру Свете, держащей наготове новый, neverontным образом разукрашенный плащ с длинным шлейфом.

— Это кельтские узоры, — с охотой поясняет она, — шеф давно их сделал.
— Ему идет, — замечаю без малейшего желания похвастаться.

Леонтьев принимает исходное положение, мягко съезжает вниз и берется за плащ.
— Что у вас за прикид такой оригинальный?
— Это новый костюм, мне их делает мой ди-

зайнер Таня Кудрявцева, она живет в США, но у нее дома стоит мой манекен, на него и шьет.
— А вы что, в весе совсем не меняетесь?

— Плюс-минус килограмм. Мне сейчас этот плащик примерить надо, посмотреть, как в нем двигаться, шлейф-то длинный, того гляди — балетные наступят! Леонтьев облачается в свою пеструю мантию и делает несколько вкрадывающих, кошачьих движений по сцене.

— Здорово вы летали, даже чем-то таким из детства повеяло. У вас, кстати, какое самое яркое детское воспоминание?

— Как мы с мальчишками с крыши сараев в сугробы прыгали.
— Ага, значит, высота вас не страшит, одиночество, как мы уже выяснили, тоже. Чего вы боитесь?

— Беспомощности. Если, скажем, кирпич на голову упадет, что здесь поделаешь? А вот беспомощность...
— Разговор продолжается уже в артистической. До выхода на сцену — сорок минут.

— А где ваш гример?
— Я сам справляюсь.
— Деньги экономите?
— Нет, просто привык.

Я мстительно решаю: двадцати минут, чтобы "сделать" лицо и сосредоточиться перед выступлением, ему вполне хватит.

Вот сейчас там, в зале, собираются люди. Они своей любовью, аплодисментами, заплаченными за билет деньгами делают вас звездой. Без них вы — никто. Они же донимают, не дают прохода, отравляют жизнь. Как вам жить между этим противоречием?

Звезда — это профессия. Если тебя раздражают зрители, надо менять работу.
— Сейчас женщины будут дарить вам цветы и при этом захотят поцеловать. Это ведь неприятно, когда чужие, незнакомые люди целуют в лицо, верно?

— Не всегда. Иногда хочется, чтобы поцеловали, или сам таянусь — докоснуться губами. Но, бывает, выскакивает тетка килограммов под сто, зажимает тебя вот так (Леонтьев внезапно хватается за уши и волосы, резко выворачивает свою голову и безжалостно тынет вверх) и наваливается на тебя ртом...
— Ужас. Вы вот сейчас репетировали, а в зале уже сидели несколько человек. Фанаты?

— Да. Питерские. Те, что бросались в объятия и кричали "Возьми замуж!", кончились — за других поковылили. Остались близкие по духу.
— Вы в любых городах выступаете?

— Куда продадут, туда и еду.
— Может, просто за концерт в провинции больше получаете?

— Нет, одинаково.

Отступление II На перекладных.

На перекладных у Леонтьева проходит вся жизнь. Люди — они, конечно, в провинции лучше, душевнее... А постоянные перелеты и смена часовых поясов? А проходящие поезда, на которые вечно нет билетов, а если и есть, то это верхние полки и в разных вагонах? А добираться из города в город машиной, когда транспорт в пути ломается или вообще не приходит? И тогда топай как знаешь. Зритель же терпеть не может, когда концерт задерживается. Не может терпеть — и все тут. А вечные сквозняки? У Леонтьева уже в каждом городе (благо, не по первому разу приезжает) свой фанатер знакомый. А холода? Раз взял на гастроли в Норильск пса Яцка — не оставляй же собаку одну дома, — так бедный доберман лапу под деревом поднять не мог: другая к земле примерзала! Так и связали псу сапоги из оказавшейся под рукой белой шерсти. А тараканы в гостиницах? Впрочем, нет, с тараканами в последнее время стало лучше, в смысле хуже. А зрители? А что зрители? Зрители ждуть, то бишь любят.

Большая стрелка часов угрожающе замирает между восьмью и девятью. Ладно уж, дам ему одеться...

Ровно в семь зал, в котором, кстати, нет ни одного свободного места, начинает хлопать. Причем так, как будто его разогрели минут двадцать. Новая песня, еще одна, какая интересная композиция. Ага, а вот и полет — со светом, в развевающемся одеянии, под музыку. Действительно эффектно. О, моя любимая: "Исчезли солнечные дни".

— Вдвоем с тобой, вдвоем с тобой, — подпевает Леонтьеву. — Свет, ты своего шефа любишь? — это уже костюмеру, которая смотрит выступление вместе со мной, ожидая момента, когда артисту надо будет помочь переодеться.

— Как мужину? — уточняет она. — Ну, не знаю... Наверное, не то чтобы влюблена, думаю, это мешало бы работе. А так... Скорее как человек.

— А что он за человек?
— Добрый, спокойный. Правда, если его хорошошенько достать...
— Мат-перемат и все летит вверх тормашками?

— Да здесь каждый матом ругается, — смеется Света, — времени вечно ни на что не хватает, все на нервах.
— Он, пока к концерту готовился, каждые пять минут только и звал жалобно: "Света, Света!" Ты, похоже, самый близкий к телу человек. Тяжелая работа или так — не бей лежачего?

— Летом, когда очень жарко, особенно бывает тяжело. Костюмы после каждого выступления мокрые от пота, в чехмодан их просто так не запихнешь — попортятся, приходится пользоваться кофрами, ну и стирать каждый раз.

— Руками стираешь?
— Да, конечно, только руками.
— А бывало, — ну там проглотил что-нибудь прямо перед выступлением?

— Пару раз случалось.
— Орал?
— Не... Говорил: "Мне через полтора часа в

нем выступать, что хочешь, то и делай, но чтобы было". Выкручивалась как-то — зашивала, заклеивала.
— А где старые костюмы? Раздраивает?

— Нет, все как один хранит, у него дома огромный гардероб.
— Понятно, типа — маленькие жизни. Слушай, день у тебя занят, вечер занят, постоянно в дороге. Никакой личной жизни!

— Да уж какая здесь личная жизнь! Я, правда, разведена, сын живет у родителей.
— Сколько ему? Десять? А чего с собой не берешь?

— Так у меня здесь уже есть один ребенок, — смеется Света, — с двумя я не справлюсь!
— То есть Леонтьев для тебя — ребенок?
— Ну конечно: одень, накорми, собери в поезд, то салфетки найди, то сигареты забудь.

— А мужики все такие. Он, кстати, капризный? Ну, скажем, в еде?
— Не, он — всеядный, я его и быстрорасторимой лапшой, случалось, кормила, и даже этими сухариками из пакетиков.

Воображение рисует голодного Леонтьева, аккуратно догрызающего сухарик.
— Вообще он морепродукты любит, — продолжает Света. — Знаешь, в Израиле их так хорошо готовят, мы всегда обедаем там! Хотя вчера в ресторане тоже ободралось до неприличия — такая вкусная национальная кухня!

Заканчивается очередная песня, и Света встает на стреме: сейчас очень ответственный момент — передевание. Леонтьев в последнем аккордах вальса покидает сцену, за первой же кулисой переходит на бег, не стирая с лица проникновенного выражения, соответствующего содержанию предыдущей песни, шипит: "На сцене радио играет! Я не х... не слышу!" — срывает с себя одежду, вещи летят в разные стороны, они со Светой в четыре руки лихорадочно натягивают трико, брюки, сверху плащ, второй, третий — костюм архисложный, застегивают сапоги, у Леонтьева остается пара секунд, чтобы промокнуть полотенцем блестящее от пота лицо и сделать глоток минералки. Еще секунда — и он на сцене.

— Говоришь, обедайтесь часто, — с сомнением замечаю я. — Чего он худой-то такой? Фигура не атлета, а аскета: живот не плоский, а впалый какой-то, как у йога.

— Да он, чуть переберет вес, сразу начинает голодать и вмиг скидывает.
— Мы, обе не худенькие, горячо завидуем Леонтьеву, который с легкостью отказывает себе в куске.

— Слушай, а бывают во время передевания ЧП?
— На прошлом концерте застужка у брюк расстегнулась — чуть не свалились, пришлось ему рукой их придерживать.

— Попало тебе?
— Да нет, он же понимает, что все быстро, поэтому может случиться накладка.
— Сколько же времени занимает каждое переоблачение?

— Сорок секунд.
— Ни хрена себе! Он тебе хорошо платит?
— Да, не обижает, — похоже, искренне говорит Света.

На сцене тем временем — финал. Розы в целлофане, лентых и с колечками наруку, аплодисменты, вызовы — второй, третий, пятый... Наконец Леонтьев снова в своем кресле в примере, только куда более потрепанный, чем до концерта. Видно, что отпахал.

— Что вы сейчас чувствуете?
— Усталость, раздражение, злость.
— И хотите только одного...
— Упасть и уснуть.

— А не получится. Чего ругались-то на концерте?
— Звук был слишком тихим, я себя не слышал, тяжело было контролировать ситуацию.

— Поэтому и злитесь? Надо расслабиться. Вы какой мыслью обычно утешаетесь? Ну, там, пойду ботинки куплю, мебель переставлю...
— Думаю: "До отпуска столько-то дней!"
— До отпуска далеко. Что-то поближе?

Мой собеседник бросает взгляд на часы: — О, еще успеваем в гостиницу! Хотя вымоюсь перед поездом!

Стандартное СВ нефирменного поезда Минск—Москва — два покрытых черно-белыми пледами спальных места, зеркало, телевизор. "Валерий Яковлевич, у вас в купе есть свободное место? Тогда вот вам еще чехмодан!"

Наконец дверь захлопывается, обрушивая тишину, которую не хочется нарушать. Закончен день, гастроль, пинг-понговое интервью. Леонтьев уже совсем не злой, хотя все еще очень усталый. Я испытываю к нему очень непрофессиональную симпатию, и мы просто перекидываемся ничем не значащими фразами.

— Хорошо все-таки ездить в поезде, уютно, — замечаю я.
— Я тоже больше люблю поезд, — соглашается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

— Тронулесь... Вы любите этот миг?
— Очень люблю.
— В окно потом смотреть...
— Темно сейчас, не видно ничего, вот если бы красивые пейзажи...

— Тогда надо его завесить, — спохватывается Леонтьев. — В самолете все на виду, люди дерганые, каждый дрожит, нервничает, такая черная аура страха вокруг.

— Вы боитесь летать?
— Да уж за столько-то лет, — Леонтьев снова закуривает, — смешно было бы бояться. Поезд делает мягкий, вежливый рывок.

Татьяна ФЕДОТКИНА.